

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81`42

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.4.557-571>

**ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МИТИГАТИВНЫХ
ТАКТИК В БРИТАНСКОМ ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ**

Д.Л. Абузярова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан,
Россия*

cooly.93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7601-5378>

Аннотация. Статья посвящена исследованию диахронических особенностей использования митигативных тактик в британском парламентском дискурсе. Рассматривается комплексность и многоаспектность дискурса, выделяются его ключевые признаки и функции. Приводится классификация типов дискурса, особое внимание уделяется политическому дискурсу как разновидности институционального дискурса, направленного на достижение политических целей и завоевание общественного доверия. Также подчеркивается важность изучения британских парламентских выступлений, отмечаются характерные черты, такие как стремление защитить собственные интересы, сформировать общественное мнение и влиять на сознание граждан. Главная цель парламентского дискурса состоит в защите позиций и продвижении партийной идеологии. Эффективному решению этих задач способствуют митигативные стратегии, снижающие вероятность конфликтов и улучшающие качество коммуникаций. Основной методологический подход основан на анализе парламентских выступлений, зафиксированных в официальном архиве (корпус Hansard). Исследованы лингвистические и структурные особенности используемых стратегий, а также влияние внешних факторов на изменение характера дискурса. Результаты показывают значительное увеличение числа эвфемизмов, модальных слов неуверенности и общих тенденций повышения тактичности и дипломатичности в публичных выступлениях. Данное исследование подтверждает наличие существенных эволюционных изменений в структуре и содержании парламентского дискурса, связанных с изменениями социальной и культурной среды. Полученные результаты демонстрируют значительный вклад науки в понимание механизмов функционирования парламентской коммуникации и предлагают перспективы дальнейшего углубленного изучения этой темы.

Ключевые слова: митигация; дискурс; парламентский дискурс; диахрония; митигативные тактики

Для цитирования: Абузярова Д.Л. Диахронический аспект использования митигативных тактик в британском парламентском дискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(4): 557–571. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.4.557-571>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.4.557-571>

THE DIACHRONIC ASPECT OF THE USE OF MITIGATIVE TACTICS IN BRITISH PARLIAMENTARY DISCOURSE

D.L. Abuzyarova

Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

cooly.93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7601-5378>

Abstract. The article is devoted to the study of the diachronic features of the use of mitigation tactics in British parliamentary discourse. The complexity and multidimensional nature of the discourse is considered, its key features and functions are highlighted. The classification of types of discourse is given, special attention is paid to political discourse as a kind of institutional discourse aimed at achieving political goals and gaining public trust. The importance of studying British parliamentary speeches is also emphasized, and characteristic features such as the desire to protect one's own interests, shape public opinion and influence the consciousness of citizens are noted. The main purpose of parliamentary discourse is to defend positions and promote party ideology. Effective solutions to these problems are facilitated by mitigation strategies that reduce the likelihood of conflicts and improve the quality of communications. The main methodological approach is based on the analysis of parliamentary speeches recorded in the official archive (Hansard corpus). The linguistic and structural features of the strategies used, as well as the influence of external factors on the change in the nature of discourse, are investigated. The results show a significant increase in the number of euphemisms, modal words of insecurity, and general trends in increasing tact and diplomacy in public speaking. This study confirms the existence of significant evolutionary changes in the structure and content of parliamentary discourse related to changes in the social and cultural environment. The results obtained demonstrate the significant contribution of science to understanding the mechanisms of functioning of parliamentary communication and offer prospects for further in-depth study of this topic.

Keywords: mitigation; discourse; parliamentary discourse; diachrony; mitigative tactics

For citation: Abuzyarova D.L. The Diachronic Aspect of the Use of Mitigative Tactics in British Parliamentary Discourse. *Kazan Linguistic journal*. 2025;8(4): 557–571. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.4.557-571>

Проблема интерпретации дискурса обусловлена его сложностью и многоаспектностью. Основной подход предполагает применение лингвистических методов, учитывая, что дискурс реализуется посредством языка. По мнению Т.А. ван Дейка, дискурс представляет собой совокупность языковых форм, значений и действий, образующих коммуникативное событие, выходящее за рамки простого текста и учитывающее социальный контекст [1].

Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как связный текст совместно с прагматическими, социокультурными и психологическими факторами, погруженный в жизненную ситуацию [2].

Разнообразие дискурсов определяется социокультурной природой коммуникации. Влияние внешних факторов изучалось рядом исследователей, выявивших три ключевых признака дискурса: целостность, связность и хронотопность [3]. Наиболее распространенной классификацией дискурса считается разделение на личностный и институциональный, представленное В.И. Карасиком [4].

Многофункциональность дискурса объясняется разнообразием его ролей в акте коммуникации. Р.О. Jakobson предложил шесть базовых функций языка, применимых к дискурсу: коммуникативную, экспрессивную, фатическую, метаязыковую, апеллятивную и поэтическую [5]. Функционирование институционального дискурса дополнительно раскрывается через выполнение институтов, поддержание норм, создание имиджа и дифференциацию субъектов коммуникации [6].

Таким образом, дискурс представляется системой, охватывающей всю полноту коммуникации, требующей комплексного анализа и учета влияния множества факторов, обусловленных изменением общественных процессов и культурного контекста.

Политический дискурс представляет собой разновидность институционального дискурса, реализующегося в сфере политики. Его главная задача – завоевание и удержание власти, привлечение внимания общественности и продвижение идеологических установок. Политический дискурс обладает набором специфических черт, таких как информативность, ритуальность, личностный характер, эзотеричность, доступность, многоаспектность, авторство, интертекстуальность и агрессивность.

Парламентский дискурс является частью политического, обладая собственными характеристиками и правилами. Основное назначение парламентских выступлений – защита собственных позиций, участие в переговорах и формулировка повестки дня. Участники парламентской дискуссии руководствуются установленными институциональными ролями, действуют публично и находятся в постоянном противостоянии друг с другом. Особенность британ-

ского парламентского дискурса заключается в умелом сочетании критики оппонентов и поддержания собственного позитивного образа [7].

Типология парламентских речей включает информационные, аналитически-аргументативные и императивные высказывания. Информационные тексты представляют собой описания текущих событий и мероприятий, аналитические содержат обоснования и доказательные аргументы, а императивные направлены на эмоциональное воздействие и призыв к действию [8].

Таким образом, парламентский дискурс, являясь компонентом политического, сохраняет многие его черты, дополняя их специфичными формами и методами коммуникации.

Митигативные стратегии являются важной составляющей политической коммуникации, направленной на смягчение возможных негативных последствий высказывания и повышение эффективности взаимодействия. Их сущность заключается в применении приемов, снижающих риск конфликта и напряженности в процессе общения.

С.С. Тахтарова выделяет следующие митигативные прескрипции: антиконфликтность, некатегоричность, глорификация и эмоциональная сдержанность [10]. Основная функция митигации – гармонизация общения путём снижения агрессии и категоричности.

В парламентском дискурсе митигативные стратегии помогают избежать обострения противоречий и сохранить конструктивный тон обсуждений. Типичные тактики включают подчёркивание субъективности мнений, неопределённую референцию, литотные смягчения, эвфемизмы и уход от прямого ответа [11]. Однако последняя тактика редко используется в парламентах, так как снижает доверие к говорящему.

Использование митигативных стратегий способствует эффективной передаче сообщений, уменьшению риска недопонимания и улучшению взаимопонимания между участниками коммуникации.

Данное исследование посвящено изучению динамики использования лексико-грамматических средств, служащих выражению митигации в британском парламентском дискурсе. Рассмотрены отдельные конструкты, применяемые для соблюдения различных коммуникативных прескрипций, согласно классификации С.С. Тахтаровой, и проведен анализ на материалах корпуса Hansard за период с начала XX до конца XX века.

Один из важнейших компонентов практической части составляют примеры, иллюстрирующие стратегии предотвращения конфликтных ситуаций в парламентской речи:

«Last week I had the pleasure of meeting representatives of the Federation of Indian Chambers of Commerce and Industry when they came here with my old friend Piyush Goyal».

Особенностью данного примера является формированию у аудитории положительных ассоциаций через употребление существительного «pleasure», относящегося к ряду эмоционально-положительных маркеров. Синтагма «have the pleasure» способствует формированию благоприятной атмосферы общения, минимизируя риск конфликта и обеспечивая выполнение коммуникативной цели митигации. Регулярный анализ частотности использования конструкции показывает рост её частотности в периоды 1950-х и 1990-х годов.

«My Lords, some people say that a Second Chamber should be abolished altogether».

Конструкцию «*some people*» можно рассматривать как эффективный инструмент неконкретной ссылки на коллективное мнение, позволяющий исключить личные нападки на отдельных представителей власти. Введение неопределенно-личных местоимений («*some*») и лексемы с широкой семантикой («*people*») создаёт эффект отчуждения автора от потенциально оспариваемых взглядов, защищая его от участия в открытом конфликте. Высокочастотные показатели употребления данного средства демонстрируют его особую активность в 1980-е и 1990-е годы.

Помимо рассмотренных примеров, важно изучить специальные ресурсы языка, позволяющие избегать категоричных утверждений и доминирующего давления на аудиторию:

«Lady points out, there are still areas of major concern, but the judgment that I took alongside the Foreign Secretary was that we should lift sanctions that clearly no longer targeted entities controlled by the Assad regime.»

Здесь для минимизации экспрессии используется эвфемистическая конструкция *areas of major concern*, помогающие скрыть реальные сложности международной политики и обеспечить нейтральность высказывания. Специфика подобных митигативных конструкций основана на отказе от резких оценок и предоставлении альтернативных вариантов подачи материала. Распространённость такого метода фиксации смягченной оценки растёт постепенно, начиная с 1970-х годов.

«It was this Government who recently stepped in to save British Steel in order to save thousands of jobs and avoid a sudden collapse in our primary steelmaking capacity.»

В указанном примере эвфемизм *«stepped in»* маскирует реальность государственного вмешательства, предоставляя менее тревожащую интерпретацию действий властей. Эвфемистический оборот сокращает информационную нагрузку и предотвращает обострение реакции общественности на меры государственной политики. Наибольшее количество подобных конструкций зарегистрировано в интервале с 1960-х по 1990-е годы.

«Too many town centres, neighbourhoods and public spaces are plagued by antisocial behaviour, and shoplifting and street theft have soared, while neighbourhood police have been heavily cut back.»

Эвфемистическое словосочетание *antisocial behaviour* предлагается взамен названия преступлений, таких как кражи и грабежи. Оно даёт возможность описать социальную действительность без перехода границ допустимого обще-

ния в парламентской среде. Зафиксирован резкий подъём частотности употребления таких митигаторов в начале нового тысячелетия.

«That event will not go ahead as planned because of safety concerns.»

Уклонение от определения реальных причин отмены мероприятия *safety concerns* – это важная составляющая искусства митигации, позволяющая сохранить нейтралитет и избегать острой реакции публики. Применение эвфемизмов в таком ключе закрепилось в политике парламентских выступлений и получило развитие в конце XX – начале XXI века.

«That is perhaps an indication of his impartial approach to the whole problem.»

Использование модальных частиц с семантикой сомнения («*perhaps*») добавляет элемент некатегоричности в политические выступления, предупреждая односторонность суждений и смягчая аргументированное давление на публику. Частицы выполняют роль индикатора, маркирующего поливалентность представленных точек зрения. Регулярность их появления постоянно повышается, что указывает на широкую практику использования в современных парламентских дебатах.

Одним из ярких проявлений прескрипции глорификации является следующий пример:

«I thank the right hon. Lady for her important questions.»

Здесь реализуется прескрипция глорификации через речевой акт благодарности, подчёркивающей особую вежливость парламентария. Применяемый эпитет «*important*» несёт положительную коннотацию и акцентирует внимание на высоком уровне профессионализма собеседницы, подчёркивая достоинство и значимость её вопросов. Подобный подход служит одним из основных механизмов митигации, направленным на выделение положительных качеств оппонента. В соответствии с результатами анализа, употребление данной конструкции неуклонно возрастало, достигнув своего пика в 1990-е и 2000-е годы.

Ещё одним ярким примером глорификации является следующее высказывание:

«My hon. Friend is an outstanding campaigner on this issue, as I am sure everybody across the House is aware».

В данном случае реализована прескрипция глорификации посредством высокоценного эпитета «*outstanding*», подчёркивающего выдающиеся способности коллеги. Это подчёркивает уважение и признание успехов политика в обсуждаемом вопросе. Тем не менее, количественный анализ показывает, что употребление данного словосочетания ограничено, зафиксировавшись лишь в нескольких случаях.

В качестве первого примера эмоциональной сдержанности рассмотрим следующую реплику:

«There is no happy status quo in the present stage, as anyone can judge who considers the present controversies over the Single European Act».

В данном примере используется эвфемистическая литота «*no happy status quo*», выражающая неудовлетворённую оценку текущего положения дел, возникших вокруг Соглашения Европейского союза. Замена эмоционально-окрашенных выражений нейтральными компонентами способствует созданию необходимой дистанции и сохранению объективности. Впрочем, частотность употребления данной конструкции остаётся довольно низкой.

Аналогично использование эвфемистической замены в следующем примере:

«That is the sort of challenging situation that can arise.»

Проанализированная прескрипция эмоциональной сдержанности достигается путём использования эвфемизма «*challenging*», замещающего эмоционально-заряженные слова. Тематика сессии касалась преступлений, способных привести к печальным последствиям, однако спикер предпочёл отказаться от экспрессивных выражений, придерживаясь нейтрального тона. Проведённый анализ демонстрирует устойчивый рост употребления данного слова, достигнув максимального показателя в 1990-е и 2000-е годы.

Таким образом, рамках антиконфликтной прескрипции выявлены позитивно окрашенные конструкции и формулы, направленные на создание ком-

фортной коммуникативной среды, а также элементы с неопределённым указанием субъекта, что смягчает личную ответственность за возможные критические высказывания.

При реализации некатегоричных и неимпозитивных предписаний используется умеренная и лаконичная речь, исключая избыточную эмоциональность. Применяются эвфемистические конструкции, метафоры и модальные слова, выражающие сомнение, что помогает избежать провокаций и снизить отрицательное восприятие информации. Прескрипция глорификации воплощается в признании успехов и достоинств коллег, выражаемом через одобрительные эпитеты и формулы благодарности, повышая престиж участников и создавая позитивный фон. Эмоциональная сдержанность обеспечивается выбором стилистически нейтральных и объективных выражений, устраняющих излишнюю эмоциональность и субъективность, что повышает рациональность и объективность коммуникации.

Особенностью анализа стал выявленный тренд роста использования эвфемизмов и модальных слов неуверенности, пик которого приходится на конец XX века. Полученные данные свидетельствуют о существенной эволюции стиля парламентских выступлений, характеризующейся повышением уровня тактичности и осторожностью в выборе языковых средств для передачи информации.

Далее рассмотрим синтаксические механизмы, используемые для выражения феномена митигации в британской парламентской речи, основываясь на классификации коммуникативных стратегий смягчения, предложенной С.С. Тахтаровой. А также приведем статистические данные о динамике изменений частоты встречаемости изучаемых конструкций в публичных выступлениях членов парламента Великобритании на протяжении XX века вплоть до начала XXI столетия согласно корпусу парламентских выступлений Hansard.

Центральное положение занимает анализ реализации принципов антиконфликтности. Здесь следует особо отметить структурированную конструкцию «*take the opportunity to respond*», н-р: «*I take the opportunity to respond to her*

important questions about the attack on Ben Gurion airport». Основная задача данной конструкции заключается в снижении инициативности говорящего, акцентируя внимание на нейтральном восприятии момента вступления в диалог. Такое средство нацелено на создание благожелательной атмосферы и устранение потенциальных источников напряжения в полемике. По данным статистики, популярность данной конструкции значительно возросла в 1980–1990-е гг.

Значимую роль играет также условно-вежливая форма выражения запросов, использующая конструкцию *«if he would explain»*. Фраза *«I should be grateful if he would explain in relation to what provision he is speaking?»* включает условие, создающее впечатление учтивости и согласования своих действий со стороны говорящего субъекта, тем самым предотвращая возможные столкновения мнений и сглаживая напряжение в дискуссии.

Отдельного внимания заслуживает механизм самокритичного позиционирования себя, например, посредством выражения *«I am relatively new to the portfolio»*. Подчёркивая свою неподготовленность или небольшой опыт, говорящий стремится привлечь доверие аудитории, избегая резких оценочных суждений и усиливая взаимопонимание в рамках диалога. Частота встречаемости указанного приема возрастает постепенно с середины XX века.

При изучении методов реализации правил некатегоричности и неимпозитивности особое внимание уделяется применению эвфемизмов и смягчителей. Они служат инструментом преодоления острых вопросов путём скрытого обозначения чувствительных тем, сохраняя баланс нейтралитета и открытости. Показательна, в этой связи, следующая цитата: *«People do not see the police on the streets anymore»*, в которой социальная проблема обозначена мягко, вызывая меньшее раздражение у слушателей.

Характерной чертой некатегоричной речи становится также техника перифразирования, позволяющая завуалированно передать негативную оценку оппонента. Например, фраза *«We are clearly going to hear a lot of the same*

arguments that we heard years ago» представляет критику в виде имплицатуры, направленной на сохранение кооперативной коммуникации.

Наконец, одним из важнейших элементов коммуникативного смягчения является прескрипция глорификации, предполагающая акцентирование положительных качеств партнёра по общению. Иллюстрацией служит фраза «*My hon. Friend raises an important point*», где обращается внимание на важность идеи, выдвинутой другим депутатом, тем самым формируя атмосферу доверия и поддержки. Применение подобных конструкций резко увеличивается в последние десятилетия XX века.

Отметим далее важную особенность синтаксических моделей, способствующих достижению эффекта эмоциональной уравновешенности:

«We are listening, but I say to Conservative Members, who promised employment Bill after employment Bill and then never delivered them, that the people of this country deserve secure fairness at work, and this Labour Government will deliver it».

Данный пример демонстрирует мастерство словесного маневрирования: хотя содержание касается недостатков предыдущих обещаний правительства консерваторов, непосредственно выраженной критики в нём нет. Акцент сделан на потребности трудящихся, а подача осуществлена спокойно и рассудительно, с привлечением точного лексического повтора («*employment Bill*»).

Другим характерным примером реализации митигативности является вопросительное предложение следующего вида:

«Has my right hon. Friend had time to look at the work being done in Thorn Cross prison, in Cheshire, where the Cheshire fire brigade is working with young offenders?»

Данное высказывание образует замаскированный укор о недостаточном внимании собеседника к важным общественным проектам, но при этом сохраняет спокойствие и дипломатичность, избегая прямой конфронтации.

Следует особо выделить категорию пассивных конструкций, играющую ключевую роль в нейтрализации излишне резких оценок и критических утверждений. Вот соответствующий пример:

«The report identifies that mistakes were made and that things might have been done differently».

Употребление пассивного оборота (*«mistakes were made»*) способствует устранению личностного аспекта ответственности, отвлекая внимание от конкретных лиц и концентрируя его на самой ошибке. Такая синтаксическая операция способствует подавлению раздражителей, связанных с личным обвинением, существенно облегчая восприятие информации аудиторией. Исторический анализ подтвердил регулярное использование пассивного залога на всём исследованном временном промежутке, причём наибольшее число случаев зафиксировано в 1990-е и 2000-е годы.

Таким образом, в ходе анализа синтаксических инструментов, используемых для воплощения механизма митигации в британском парламентском дискурсе можно сделать следующие выводы. При соблюдении принципа антиконфликтности предпочтение отдается таким средствам, как вводные конструкции и косвенные вопросы, направленные на обеспечение оптимального результата коммуникации и уменьшение вероятности возникновения споров и противостояний.

При реализации принципов некатегоричности и неимпозитивности в парламенте Великобритании широко применяются условные конструкции, позволяющие донести информацию до аудитории, сохранив нейтралитет и уважение. Принцип глорификации реализуется через использование экспрессивных синтаксических построений и восклицательных конструкций, подчёркивающих положительные качества и заслуги собеседников, способствуя созданию позитивного настроения. Для соблюдения принципа эмоциональной сдержанности участники коммуникации часто прибегают к описательно-аналитическим сочетаниям, вопросительным формам, синтаксическому параллелизму и пассивным

конструкциям, что позволяет выражать мысли осторожно, избегая чрезмерного проявления эмоций и сохраняя должную дистанцию и выдержку.

Анализ динамики частоты использования указанных синтаксических приемов в британском парламентском дискурсе отчетливо фиксирует заметный рост их распространения начиная с 1980-х годов и продолжающийся до настоящего момента. Этот тренд свидетельствует о закреплении данных конструкций в качестве неотъемлемых компонентов эффективной парламентской коммуникации, обеспечивающих соблюдение эталонов дипломатичного и корректного общения.

Политический дискурс, частью которого является парламентская разновидность, обладает особыми характеристиками, определяющими его уникальность. Изучение парламентского дискурса выявило основополагающую целевую установку участников коммуникации — стремление подвергнуть сомнению действия оппонентов и сохранить положительный личный имидж. Эти цели достигаются путем последовательного применения различных коммуникативных стратегий.

Исследование показало, что британский парламентский дискурс отличается сложной структурой и особым характером коммуникативного процесса, направленным на защиту интересов участников, формирование общественного мнения и управление общественным сознанием. В работе выявлено, что парламентские выступления характеризуются активным использованием митигативных стратегий, задачей которых является смягчение потенциальных негативных последствий высказываний и укрепление эффективного взаимодействия.

Важнейшие лексико-синтаксические средства, задействованные в парламентском дискурсе, включают разнообразные способы презентации информации и взаимодействия с партнерами по коммуникации. Такие митигаторы, как введение дополнений, условные предложения, неопределённая референция и др., помогают участникам дискуссии достигать поставленных целей, одновременно ограничивая агрессию и повышая эффективность коммуникации.

Особое внимание уделялось диахроническому аспекту использования митигативных средств, зафиксированных в корпусе парламентских выступлений Hansard. Показано, что современные парламентские выступления отличаются ростом количества эвфемизмов, использованием модальных слов, выражающих неуверенность, и общим увеличением степени тактичности и дипломатичности в речах депутатов.

Полученные результаты подтверждают предположение о наличии существенной модификации в парламентском дискурсе, связанной с изменениями социально-политических реалий и развитием демократических ценностей. Митигативные стратегии играют важную роль в обеспечении гармонии и продуктивности парламентских дебатов, что повышает общее качество парламентской деятельности и влияет на развитие гражданского общества.

Список литературы

1. Дейк Т.А. *Язык. Познание. Коммуникация*. М.: Наука; 1989. 415 с.
2. Арутюнова Н.Д. *Дискурс*. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия»; 1990. С. 136–137.
3. Григорьева В.С. *Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты*. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та; 2007. 189 с.
4. Карасик В.И. Дискурсивная персонология. *Язык, коммуникация, социальная среда*. 2007;(5):78–86.
5. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика. *Структурализм: «за» и «против»*. М.: Прогресс; 1975. С.193–230.
6. Бейлинсон Л.С. Функции институционального дискурса. *Вестник Иркут. гос. лингв. ун-та*. 2009;142–147.
7. Нейман В.Н. Парламентский дискурс в современном чешском лингвокультурном пространстве. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019;12(6):373–377.
8. Никитина К.В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным сознанием. *Управление общественными и экономическими системами*. М.: ОрелГТУ; 2006. С. 1–7.
9. Иссерс О.С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. М.: КомКнига; 2006. 288 с.
10. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты). Волгоград; 2009. 382 с.
11. Романовская Л. В. Митигативные стратегии в дискурсе англоязычных политических интервью. *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова*. 2017;40:124–134.

References

1. Dake T.A. *Language. Cognition. Communication*. M.: Nauka Publ.; 1989. 415 p. (In Russ.)
2. Arutyunova N.D. *Discourse*. Linguistic encyclopedic dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1990. Pp. 136–137. (In Russ.)
3. Grigorieva V.S. *Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects*. Tambov: Publishing House of the Tambov State Technical University. University; 2007. 189 p. (In Russ.)

4. Karasik V.I. Discursive personology. *Language, communication, social environment*. 2007;(5):78–86. (In Russ.)
5. Yakobson R.O. Linguistics and poetics. *Structuralism: "for" and "against"*. M.: Progress; 1975. Pp.193–230. (In Russ.)
6. Beilinson L.S. The functions of institutional discourse. *Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University*. University; 2009. Pp. 142–147. (In Russ.)
7. Neiman V.N. Parliamentary discourse in the modern Czech linguistic and cultural space. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2019;12(6):373–377. (In Russ.)
8. Nikitina K.V. Political media discourse and its features that create prerequisites for manipulating public consciousness. *Management of social and economic systems*. Moscow: Orel State Technical University; 2006. Pp. 1–7. (In Russ.)
9. Issers O.S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow: KomKniga; 2006. 288 p. (In Russ.)
10. Takhtarova S.S. *Category of communicative mitigation (cognitive-discursive and ethnocultural aspects)*. Volgograd; 2009. 382 p. (In Russ.)
12. Romanovskaya L.V. Mitigation strategies in the discourse of English-language political interviews. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov*. 2017;40:124–134. (In Russ.)

Авторы публикации

Абузярова Дарья Леонидовна –
Старший преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: cooly.93@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7601-5378>

Authors of the publication

Abuzyarova Darya Leonidovna –
Senior Lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: cooly.93@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7601-5378>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 09.11.2025
Одобрена после рецензирования: 25.11.2025
Принята к публикации: 27.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 09.11.2025
Approved after peer reviewing: 25.11.2025
Accepted for publication: 27.11.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.